

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПУШКИНА

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин указал на близость современного языка к языку Пушкина: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй... Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Что изменилось за это время в русском языке? Seriously пополнился за это время словарный состав русского языка; вышло из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка. Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка»¹.

В свете сталинского учения особенно большое значение приобретает подробное описание и изучение словаря великого писателя — основоположника русского литературного языка нового времени.

Во вступительной статье к I тому Словаря языка Пушкина акад. В. В. Виноградов пишет: «Историческая заслуга Пушкина заключается в том, что силой своего творческого гения он мощно содействовал развертыванию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка. Пушкин обогатил язык русской художественной литературы новыми приемами стилистического использования народной речи, народной поэзии, новыми правилами стилистического сочетания и объединения разных элементов национального языка... В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и получила качественное преобразование».

Трехтомный Словарь пушкинского языка, составляемый группой сотрудников Сектора русского литературного языка Института языкознания АН СССР, должен содержать список и толкования всех слов, засвидетельствованных в основном тексте собрания сочинений Пушкина по 16 томам полного академического издания. Словарная статья, составленная с таким расчетом, чтобы читатель мог получить представление о всех значениях и оттенках значений слова у Пушкина, строится по следующей схеме: 1) заголовок, 2) указание на число случаев употребления слова, 3) указание на значение слова (в случае необходимости, толкование сопровождается грамматической пометой), 4) указание на число случаев употребления слова в данном значении, 5) примеры, иллюстрирующие значение слова, 6) перечень всех случаев употребления слова у Пушкина. В том случае, когда слово многозначно или имеет оттенки значений, пункты 3—6 повторяются. Например, слово *анекдот* будет представлено в Словаре следующим образом²:

АНЕКДОТ (43) 1. *Небольшой забавный рассказ* (39). Но дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей. *ЕО* 1 6. 12. Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение. *ИД* 235.29. 2. *Происшествие, случай* [без доп. с предл. о] (4). Старики вспоминали прежнее время и анекдоты своей службы *БК* 119.29. Самый неприятный анекдот было — то, что сломались у меня колесы. *Пе* 292.2♦*ЕД*. И. анекдот: 1. *ПБ* 61.32 *ПД* 235.29,37, 236.102. *Мы* 424.2...2. *Ж*₁ 150.22 *Пе* 292.2. 770.22; *Р*. анекдот: 1. *Ж*₂ 316.27; *В*. анекдот: 1. *ПД* 232.1 *Мы* 420.4... и т. д.

В тех случаях, когда слово употребляется Пушкиным только в составе устойчивого фразеологического выражения, Словарь дает соответствующие указания. Так, на-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 9.

² В статье приводятся следующие шифры, принятые в Словаре языка Пушкина: *С*₁, *С*₂, *С*₃ — стихотворения I, II и III томов; *ЗС* — Песни западных славян (*З* — Битва у Зеницы-Великой, 4 — Феодор и Елена, 12 — Воевода Милош); *МЦ* — Мертвая царевна, *РЛ* — Руслан и Людмила, *КП* — Кавказский пленник, *ГН* — Граф Нулин, *П* — Полтава, *МВ* — Медный Всадник, *ЕО* — Евгений Онегин, *БГ* — Борис Годунов, *АП* — Арап Петра Великого, *ПБ* — Повести И. П. Белкина (От издателя), *М* — Мятель, *БК* — Барышня-крестьянка, *ИГ* — История села Горюхина, *Д* — Дубровский, *ИД* — Пиковая Дама, *КД* — Капитанская дочка, *КВ* — Роман на кавказских водах, *Мы* — Мы проводили вечер, *ПА* — Путешествие в Арарум, *ИП* — История Пугачева, *ЗМ* — Записки Моро-де Бразе, *Ж*₁, *Ж*₂ — Журнальные статьи XI и XII тт., *Пе* — письма (XIII — XVI тт.).

В ссылках, кроме шифра, приводятся: в стихотворениях — условный номер стиха и строка; в поэмах и драматических произведениях римской цифрой — глава или акт, арабской — строка; в *ЕО* — римской цифрой — глава, первой арабской — строфа, второй арабской — строка; в прозе — страница и строка; в письмах — номер письма и строка.

пример, в статье на слово *аничкин* указано, что оно употребляется 2 раза в названии: *Аничкин мост*.

АНИЧКИН (2). В назв. А н и ч к и н м о с т: наконец у самого Аничкина моста догнал я гороховую шинель. ИГ 131.2. ♦ Ед. Р. м. р. Аничкина: в назв. ИГ 131.2; Аничка. <ова>: в назв. Пс. 58.39.

Словарь стремится выделить не только значения слов, но и оттенки в пределах того или иного значения, отдельные случаи употребления, а также специфические для пушкинского времени конструкции, фразеологические сочетания, соединения слов. В то же время, ставя своей целью охарактеризовать язык Пушкина как язык его эпохи и, следовательно, не делая установки на раскрытие всего многообразия пушкинского употребления слов, Словарь все-таки не может не отмечать и чисто индивидуальные случаи использования того или иного слова или оборота в языке Пушкина. Так, в Словаре особыми пометами выделяются шутливое, ироническое, каламбурное употребление слова, олицетворения, переносы (метафорические), перифрастические случаи употребления. Например, в статье на слово *агнец* указано, что, наряду с обычным употреблением этого слова со значением «ягненок», у Пушкина есть случаи и переносного употребления.

АГНЕЦ (5). *Ягненок*. Милее мне смиренная девица — Послушная, как агнец полевой; С₂ 297.12. В ней... сидел безвиный Кочубей, С ним Искра тихой, равнодушный, Как агнец, жребию послушный. П П 411. *Перенос*. О кротком, безропотном существе. М е ф и с т о ф е л ь. Ты думал: агнец мой послушный! Как жадно я тебя желал! Как хитро в деве простодушной Я грезы сердца возмущал!— С₂ 285.78. ♦ Ед. И. агнец; С₁ 51.236 С₂ 296.12 П П 41; *перенос*. С₂ 285.78; В. агнца: Пс 65.12³;

Лексический состав языка Пушкина, грамматические формы, типы управления и согласования слов, употребление союзов и их значение в массе своей представляют материал, совпадающий с современным словоупотреблением. Эта устойчивость языка, заключающаяся прежде всего в устойчивости основного словарного фонда и грамматического строя, определяет общепонятность пушкинских текстов для современного читателя. Но в то же время материалы пушкинского словаря, сопоставляемые с современным слово- и формоупотреблением, свидетельствуют и о специфических особенностях языка пушкинского времени, о том, что русский литературный язык за истекшие 150 лет не остался неподвижным.

Помимо наличия особых поэтических средств, которые отсутствуют в современном литературном языке, помимо особой стилистической функции отдельных слов и оборотов, язык Пушкина располагает целым рядом таких слов, которые либо отсутствуют в современном языке, либо, сохраняясь в нем, изменили свои значения или оттенки значений.

Встретив в произведениях Пушкина исчезнувшее сейчас слово, читатель легко найдет его в Словаре⁴. Что же касается слов, которые сохранились в современном языке, но изменили свое значение или оттенки значения, то осмысление их в пушкинском тексте с точки зрения нашего современного употребления может привести к неправильному пониманию, к искажению пушкинской мысли. Так, например, слово *любовник*, *любовница* в языке Пушкина, кроме современного значения, имело значение «влюбленный, возлюбленный»: Стократ блажен *любовник* тот, Который нежно пред тобою, Осмелясь, о любви поет (С₁ К молодой актрисе). Руслан нас должен занимать... В душе герой, *любовник* верный (РЛ IV 190). Наши *любовники* были в переписке (М 77.30).

Слово *позор*, кроме современного значения, у Пушкина употребляется в значении «зрелище»: Но между тем какой *позор* Являет Киев осажденный? (РЛ VI 231). Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на *позор* (на обозрение.— А. Г.) (Ж₁ 80.18).

В приведенных примерах современное понимание исказило бы мысль, общее содержание текста.

Иногда недостаточно точное понимание слова может привести если не к искажению текста, то к снижению его силы, значимости: А сын его Федор? На престоле Он воздыхал о мирном житие Молчалиника... Бог возлюбил смирение царя И Русь при нем во славе *безмятежной* Утешилась (БГ V 132).

Здесь слово *безмятежный* имеет значение «лишенный мятежей, волнений», а не современное «покойный, невозмутимый, не знающий забот». Ср. также у Пушкина значение слова *возмутительный* — «вызывающий возмущение, относящийся к возмуще-

³ В данной словарной статье цитируются следующие стихотворения: С₁ 51 — «Тень Фовьизина», С₂ 285 — «Сцена из Фауста», С₂ 296 — Начало I песни «Девственицы».

⁴ Например, употребляемые Пушкиным слова *абшид* (Пс 979.22), *вагенбурга* (ПА 478.27) имеют соответствующие объяснения: *вагенбурга*: «Обоз, который по мере надобности используется для защиты войска как преграда на пути неприятеля. Обычно сопровождается пушками» (Словарь яз. Пушкина, I); *абшид*: «Удостоверение об увольнении со службы; отставка» (там же).

нию, к бунту»: Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен *возмутительный* манифест (ИП 70.14). Я был в связи со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все *возмутительные* рукописи ходили под моим именем (Пс 276. 26).

Современное понимание этого слова («вызывающий резкое неодобрение, осуждение») искавило бы мысль Пушкина, не вкладывавшего в это слово той отрицательной оценки, которую оно несет сейчас и которая появилась в нем в результате позднейшего развития и переосмысления.

Сопоставление словаря языка Пушкина с современным словоупотреблением позволяет сделать ряд общих наблюдений и выводов.

1. В пушкинском языке есть много таких слов, которые отсутствуют в активном языковом употреблении наших дней. Это могут быть слова различных рядов и групп: 1) слова, связанные с социальными явлениями дореволюционной эпохи: *вольный, заводской* (крестьянин), *батог, дыба, вид* (паспорт), *августейший, камер-лакей, камергер, камер-юнкер* и мн. др.; 2) слова, отражающие мифологические и религиозные представления того времени: *домовой, русалка*; 3) слова, отражающие дворянский быт того времени: *болivar, брезет, блонды, боскет* и др.; 4) слова дворянского жаргона: *кожо* (обманутый муж), *комераж* (сплетни), и др.; 5) слова, связанные с классической мифологией и выражающие основанную на них символику поэтического языка: *Марс, Венера, Психея, Зевс* и мн. др.

Большая часть этих слов перестала быть широкоупотребительной в настоящее время, сохранившись в пассивном словарном составе современного языка или в составе многообразных фразеологических сочетаний.

2. Значительно больший интерес для исследователя и больше затруднений для широкого читателя представляют слова, пережившие изменения в своей семантике. По характеру последующей эволюции значений такие слова распределяются по двум основным группам. Первую группу составляют слова, которые у Пушкина употребляются в их первоначальных, исходных значениях, непосредственно опирающихся на этимологический состав слова. Дальнейшая история этих слов в основном заключается в развитии вторичного или вторичных значений и в утрате исходного. Эти вторичные значения могут намечаться уже в языке Пушкина, но они могут возникать и в последующее время. Сюда относятся такие слова, как *великодушный, малодушный, возмутить, безвластный, соблазнительный, смиренный, заманчивый, безмятежный* и мн. др. Так, слово *великодушный* в современном языке означает «обладающий великодушием», слово *малодушный* — «нерешительный, слабовольный». У Пушкина первое имеет значение «обладающий великой душой», второе — «имеющий мелкую, ничтожную душу». Ср.: — Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана... Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника. Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ *великодушных* моих товарищей (ИД 325.8). Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь, И наконец окаменеть В мертвящем уносенья света, Среди бездушных гордецов, Среди блистательных глупцов, Среди лукавых, *малодушныг...* В сем омуте, где с вами я Кушаюсь, милые друзья (ЕО прим. 40)⁵.

Слово *соблазнительный* в языке Пушкина явно связано со словом *соблазн* и имеет значение «свойственный соблазнителю, связанный с соблазном»: Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя *соблазнительную* славу. Он увез супругу лорда Carmarthen и женился на ней тотчас после ее развода (Ж₁ 275.13). Зачем у вас я на примете?... Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен, И мог бы в обществе принести Вам *соблазнительную* честь? (ЕО VIII 44.14).

Вторую группу составляют слова, которые у Пушкина имеют более широкий круг значений, чем в современном литературном языке. Дальнейшая история этих слов идет по линии сужения употребления слова, его специализации, определяющейся или стремлением языка к большей четкости, точности (когда это касается слов терминологического характера), или стремлением языка избавиться от возникающей дублетности, вызванной совпадением значений разных слов.

Примерами слов, утративших свои производные значения, сузивших круг своего употребления и терминологизировавшихся, могут служить такие слова, как *водевиль, анекдот, басня, куплет* и некоторые другие.

Слово *водевиль* в современном языке имеет значение «комическая пьеса фарсового характера, первоначально с пением куплетов» (Словарь под ред. Ушакова, I, 325). У Пушкина употребление этого слова шире: *водевилем* он называет также сатирические песенки⁶: Алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности;

⁵ В то же время следует отметить, что эти слова у Пушкина имеют и другие значения, закрепившиеся за ними в современном языке (например, слово *великодушный* имеет у Пушкина также значение «снисходительный, лишенный злопамятства»).

⁶ Ср. в Новом словотолкователе Н. Яновского (1803 г.): «*водевиль*, фр. В Париже называются сим именем площадные простонародные песни, которые иногда употребляют и на театре в шуточных операх» (I, 485).

имения исчезали... и государство распалось под игровые припевы сатирических *водевилей* (АПЗ.32). Хотите ли послушать Прелестный *водевиль*?—И граф поет (ГН167).

Слово *куплет* обозначает сейчас название строфы песни или стихотворения. У Пушкина оно может обозначать также и самое стихотворение, разбитое на куплеты, строфы: Как истинный француз, в кармане Трике привез *куплет* Татьяне На голос, знаемый детьми... Меж ветхих песен альманаха Был напечатан сей *куплет*... (ЕО V. 27).

Слово *амвон* в современном языке является церковным термином и обозначает возвышение перед алтарем. У Пушкина это слово могло обозначать всякое возвышение, помост? Например, в «Истории Пугачева» (стр. 79. 25): Вслед за отрядом кирасир ехали сани, с высоким *амвоном*. То же в «Борисе Годунове»: Н а р о д — Царевич нам боярина послал. Послушаем, что скажет нам боярин. Сюда! сюда! П у ш к и н (на *амвоне*) — Московские граждане, Вам кланяются царевич приказал («Любное место»).

Ограничение круга значений слова в современном языке по сравнению с языком Пушкина коснулось и ряда слов, нетерминологического характера. Так, слово *вдруг* в современном языке значит «неожиданно, внезапно». Это же значение имеет оно и в пушкинских текстах, например: Дрожат уста, дрожат колени, Идет... и *вдруг*... или это сон? *Вдруг* видит близкие две тени И близкий шопот слышит он (Ц 464, 465).

Но Пушкин может употребить слово *вдруг* и в значении «сразу, одновременно»: Богат, умен, ни перед кем Не кланяется в пояс, А как боярин между тем Живет, не беспокоясь; А подарит невесте *вдруг* И лисью шубу, и жемчуг (С₂ *Жених*). Богу угодно было лишить меня *вдруг* отца и матери (КД, 342.6).

Подобное значение слова представлено в современном языке лишь в разговорных сочетаниях: *всё вдруг, все вдруг* в значении «всё (все) сразу, одновременно».

Слово *ветхий* в современном языке имеет значение «дряхлый, разрушающийся от старости» и носит книжный оттенок (ср. Словарь под ред. Ушакова, I, 265). Наряду с этим значением слова *ветхий* мы находим у Пушкина значение «издавна существующий, древний»: Но с той поры, когда являлся он, Своих обид ожесточенный мститель, С литовцами под *ветхий* город Ольгин, Молва об нем умолкла (БГ XI. 41). Ср. то же значение в сочетании *Ветхий завет* (ср. *Новый Завет*).

К словам, сократившим круг своих значений, относится слово *вадор*, которое у Пушкина имеет значение «распря, ссора» (соответственно множ. число *вадоры*): Почтен, кто глухости людской Решит запутанные споры; Умен, кто хитрости рукой Переплетает меж собой Дипломатические *вадоры* И правит нашу судьбой (С₁ *К молодой вдове*).

Сокращение количества значений и переосмысление в подобных словах не приводит к обеднению языка: оно уточняет и вследствие этого улучшает выразительные возможности языка. Как известно, подобное сокращение может вызываться или утратой соответствующего понятия, или, как это имеет место в рассматриваемом случае, возникновением дублетов, т. е. слов, не разграниченных ни в смысловом, ни в стилистическом отношении (при отсутствии необходимости в подобном разграничении). Дальнейшая история этих совпадающих по смыслу слов обычно идет по пути их семантического или стилистического разграничения.

Образцом подобных дублетов по значению могут служить слова *безграмотный* и *неграмотный* в значении «не умеющий читать и писать». В современном языке в данном значении из этих двух дублетов употребляется преимущественно второй: употребление первого зафиксировано Толковым словарем под ред. Ушакова как возможное, но не основное для данного слова. В языке Пушкина в данном значении также представлены оба слова: *безграмотный* — 9 раз, *неграмотный* — 1 раз. Например: Рыбака задержали, пока не удостоверились, что он в самом деле был *безграмотный*... Губернатор отпустил его, сказав: Ступай, счастлив ты, что не умеешь читать. (Ж₂ 29.6). Старосты горюхиинские имели обыкновение никогда ничего сами не читать. Староста был *неграмотен* (ИГ 138.36).

В эпоху Пушкина, как и в настоящее время, эти слова были стилистически нейтральны. И это отсутствие стилистических различий в словах с совпадающими значениями вызвало последовательное сокращение употребления одного из дублетов: в современном литературном языке *безграмотный* в значении «не умеющий читать и писать» почти не употребляется. Количественные соотношения, с которыми мы встречаемся у Пушкина, позволяют предположить для того времени более широкое употребление слова *безграмотный*⁸.

⁷ Ср. в Словотолкователе Н. Яновского: «софа — род амвона; возвышенный пол в части комнаты выше обыкновенного пола...» (III, 708).

⁸ Определившаяся меньшая употребительность слова *безграмотный* в основном значении («не знающий, не умеющий читать и писать») не исключает параллельного употребления слов *безграмотный* и *неграмотный* в других значениях. Так, общим для этих слов является сейчас значение «содержащий много грамматических ошибок, малограмотный» (*безграмотное* сочинение и *неграмотное* сочинение). Дальнейшее употребление может закрепить это значение за словом *безграмотный* (с соответствующим сокращением употребления в этом значении слова *неграмотный*).

*

Говоря об изменениях, происшедших в языке со времени Пушкина до наших дней, И. В. Сталин указывает, что эти изменения коснулись и наиболее устойчивой части языка—его грамматического строя. Не нарушая основ грамматического строя, эти изменения шли по пути его улучшения, усовершенствования. «Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка»⁹.

Словарь языка Пушкина дает в этом отношении богатый и многообразный материал. Так, например, читатель может обратить внимание на наличие в языке Пушкина слов в другом грамматическом роде или в другом склонении, чем в современном литературном языке. Сейчас существительное *ниша* — женского рода; у Пушкина — мужского: И в темный *ниш*, где сумрак воцарился, Чуть крадется неверный свет дневной (*С₁ Сон*).

Слово *миф* сейчас мужского рода, у Пушкина — женского: Имя его казалось мне вымышленным и предание о нем пустою *мифою* (ИГ 127.29).

Слово *боа* — у нас среднего рода, у Пушкина — мужского: Он счастлив, если ей накинет *Боа* пушистый на плечо (ЕО VIII 30.10).

Слово *комода* представлено у Пушкина в формах и мужского и женского рода: Она догадывалась, что сурьма и белилы были похищены из ее *комода* (БК 120.19). Да сделай же одолжение: перешли мне мой опекунский билет, который оставил я в секретной твоей *комоде* (Пс 721.6).

Иногда употребление слова в том или ином роде осознается писателем как факт стилистический. Так, например, у Пушкина наблюдаем употребление слова *лебедь* в мужском и в женском роде. В форме женского рода оно встречается в «Сказке о Царе Салтане» (часто с фольклорным эпитетом *белая*) и в стихотворении «Чу, пушки грянули», где данная форма, может быть, определяется требованием рифмы: Чу, пушки грянули! крылатых кораблей Покрылась облаком [станция боевая], Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей Качаясь плавает, как [*лебедь* молодая]. Во всех остальных случаях Пушкин употребляет слово *лебедь* в форме мужского рода, например: И тихая луна, как *лебедь* величавый Плывет в серебристых облаках (*С₁ Воспоминание в Царском Селе*).

Особый характер имеют колебания в употреблении слов одного рода, но разных типов склонения. Так, в языке Пушкина слово *постель* употребляется и с нулевой флексией (*постель*) и с флексией *-а* (*постеля*). Из форм этого слова встречаются следующие: именительный падеж — *постель* (1 случай) и *постеля* (3 случая); родительный падеж — *постели* (30 случаев); дательный падеж — *постеле* (4 случая); винительный падеж — *постель* (11 случаев) и *постелю* (13 случаев); предложный падеж — *постели* (1 случай) и *постеле* (34 случая).

Как видно, Пушкин шире использует данное слово в форме склонения на *-а*, т. е. в форме, которая не закрепилась в современном литературном языке.

Наличие параллельных форм встречается у Пушкина и в области синтаксиса. Примером могут служить синонимические формы выражения причинных отношений, сохранившиеся в основном и в современном языке. У Пушкина обычны конструкции: *не читал за недосугом, приложили руку за неумением писать, отложили за приданым* и т. д. В современном языке такие построения сохранились лишь в составе фразеологических единиц (*за неумением, за чем дело стало* и некоторые другие). Свободное употребление таких конструкций ограничено.

Для Пушкина обычны сочетания дательного падежа с предлогом *по* с причинным значением:... *дождь и снег. Тришка бит по погоде; по своей неопытности попадутся в беду; будем принуждены по недостатку слушателей* и т. п. В современном употреблении такие построения вытеснены конструкциями с предлогом *из-за* с родительным падежом (*из-за погоды, из-за недостатка слушателей* и т. п.). Различие между пушкинским и современным употреблением синонимических конструкций состоит не в коренных изменениях, не в ликвидации или ломке конструкции, а в ограничении круга слов, которые могут соединяться с предлогом *по* для выражения причинных отношений (*по глупости, по неведению, по незнанию, по недоразумению* и т. п.).

Сужение круга конструкций при передаче определенных отношений той или другой формой, при расширении и обогащении другой, синонимической, может постепенно привести к ликвидации одного из синтаксических синонимов. Например, из двух синтаксических синонимов — *плакать по кому* и *по ком*, шире представленных в языке Пушкина формой предложного падежа [*по старом рогаче вдовицы плач амурный (С₃ Когда за городом); она вздыхала по другом (ЕО II 30. II)*], в современном языке явно предпочитается форма с дательным падежом. Такая продуктивность конструкции с дательным падежом — явление, определившееся еще в допушкинское время. Вытеснение одной формы другой, наблюдаемое при сопоставлении пушкин-

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 10.

ского и современного слово- и формоупотребления, приводит к частичным перемещениям внутри предложно-падежной системы.

Смена одного типа управления другим в отдельных случаях определяется утратой у того или иного слова определенного лексического значения, благодаря которому это слово входило в целую группу слов, связанных определенными типами синтаксических связей с другими словами. Например, у Пушкина глагол *петь* управляет следующими падежами: беспредложным винительным: Я *песню* для себя *пою* (Ц 270). Уж *пел* бессмертными стихами *Несчастье Невских берегов* (МВ II, 87). Вы *пели* *страсть* — и гордо рукою Красавицам несли свои венцы (С₁ *Любовь одна — веселье жизни хладной*). И *пел* при звуках лир Войны кровавый *пир* (С₁ *Батюшкову*); винительным с предлогом *про*: Пастух, плетя свой пестрый лапоты, *Поет про воловских рыбачей* (ЕО VI, 41, 4); творительным: Поэт, любимый небесами, *Уж пел* бессмертными *стихами*... Несчастье невыхских берегов. (МВ II 87); предложным с предлогом *о*: Но лира юного певца *О чем поет?* (С₂ *Андрей Шенье*).

Как видно из примеров, косвенный объект у Пушкина может выражаться предложным падежом с предлогом *о*, винительным падежом с предлогом *про* и беспредложным винительным. Беспредложный винительный в этой функции не типичен, он встречается у Пушкина при считанном числе глаголов *dicendi* (говорения). Поэтому вполне естественно возникает предположение о том, что при этих глаголах мы имеем у Пушкина не специальную функцию выражения косвенного объекта, а употребление, обусловленное особым значением данного слова: глагол *петь* выступает здесь в значении «воспевать», калькированном с французского и утратившемся впоследствии. Входя, таким образом, в особый и самостоятельный семантический ряд, слово *петь* приобрело и тип управления, характерный для этого ряда. Ср. *воспою тот славный час* (КП Эн 25)¹⁰.

Кажется, к подобного рода случаям относятся и наличие винительного падежа в функции косвенного объекта при глаголах *рассказать* — *рассказывать*, *сказать*: Фон-Визин тотчас *рассказал Свои* в том мире *похождений* (С₁ *Тень Фонвизина*); Мы домой воротимся с тобою *И расскажем эту битву* нашим детям (ЗС 3.22); Кирилла Петрович с великим удовольствием стал *рассказывать подвиг* своего француза (Д 196.24).

Словарь языка Пушкина, выделяя то или иное значение слова и отмечая грамматические особенности его употребления, поможет вскрыть причину и характер подобных расхождений с современным языком¹¹.

Систематизация в Словаре материала, относящегося к служебным словам, позволяет проследить изменения в пределах того или иного отношения, формирование или становление того или иного факта языка.

Известно, например, что целый ряд предлогов появился в языке сравнительно недавно — в XIX в. (*по причине, вследствие, ввиду* и др.). Многие из них до сих пор еще сохраняют свою былую знаменательность. Одним из таких новых предлогов является отглагольный предлог *благодаря*. Материалы Словаря Пушкина показывают, что употребление этого слова в функции предлога есть явление новое, становящееся. Предлог *благодаря* у Пушкина соединяется с дательным падежом преимущественно в тех случаях, когда дательный падеж представлен существительными неодушевленными (25 случаев на 1 с одушевленными): винительный падеж при этом же предлоге появляется в случаях сочетания его с существительным одушевленным (7 случаев): Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси, *Благодаря тебя*, не видим книг доселе?² (С₂ *Послание цензору*). О своих меркантильных обстоятельствах скажу тебе, что *благодаря отца моего*... я женился и обзавелся хозяйством (Пс 585.39). Ср. один случай с дательным падежом: Вся литература сделалась рукописною *благодаря Красовскому и Бюрокову* (Пс 1251. II).

В употреблении *благодаря* в сочетании с винительным падежом намечаются три типа: 1) *благодаря* синонимично с *из-за* в случаях с отрицательной причинностью: ранен *благодаря тебя* (КД 310.10), *благодаря тебя* не видим книг (С₂ *Послание цензору*); 2) *Благодаря* синонимично с *из-за*, но не утратило своего исходного лексического зна-

¹⁰ Подобное употребление отмечено Словарем церковнославянского и русского языка 1847 г., где указано, что *петь* в 3-м значении означает *прославлять* или *изобразить что-либо в песнях* (соврем. *воспевать*).

¹¹ Например, в статье на слово *надеяться* будет отмечено, что такие случаи, где слово *надеяться* управляет родительным падежом: (*новой милости* не смею *надеяться* (Пс 214.10); От тебя буду *надеяться письма* в Симбирске (Пс 837.23) и т. п. не являются синонимической формой к конструкции *надеяться на кого-что-н.*, но означают: «надеясь ожидать чего-н.» Ср. в «Русской грамматике» Александра Востокова, ч. II, гл. II, § 129: «Родительный движения мысленного, к предмету или от предмета, имеет место при глаголах и прилагательных, означающих *ожелание, ожидание, достижение... ожидание: ждать* случая, *чаять* спасения, *дожидаться* очереди, *надеяться* успеха». И немного ниже: «Глагол *надеяться* управляет также винительным падежом с предлогом *на*, когда имеет значение глагола *полагаться*, например, *надеяться на свою силу*».

чения в случаях с положительной причинностью: *благодаря отца* я женился и обзавелся хозяйством (Пс 585.39); 3) сочетание *благодаря кого* выступает в оборотах вводного характера и означает не причину чего-нибудь, а лицо, способствующее чему-нибудь. В данном случае вводный оборот значит то же, что *благодарение кому*: «Мы на свое жительство», сказал он, *благодаря бога и барина*, не жалуемся» (Д 163.26); Оповиция русская, составившаяся *благодаря русского бога*, из наших писателей... приходила уже в какое-то петерение (Пс 89.39).

Таким образом, анализ пушкинского словоупотребления показывает, что стирание лексического значения деепричастия и превращение его в собственно предлог началось прежде всего в тех случаях, где субъект обозначал отрицательную причину чего-нибудь. Вполне естественно, что в этих случаях раньше могла быть усвоена форма дательного падежа.

*

Пушкин для нас — не только носитель литературного языка, но и создатель его новых норм, художник, смело раздвигающий старые границы языка, обогащающий его выразительные средства. Поэтому Словарь языка Пушкина отражает не только то, что типично для него как носителя языка эпохи, но и особенности языка Пушкина-художника. В этом плане выделяются, с одной стороны, такие слова, которые являлись обязательной принадлежностью определенного литературного стиля или жанра (например, необходимые аксесусары поэтического языка, особая лексика публицистической речи), с другой стороны — такие, которые Пушкиным впервые введены в тот или другой жанр. Анализ лексики подобного рода должен идти по линии изучения того, как Пушкин использовал слова, специфические для различных стилей речи.

Словарь языка Пушкина не ставит своей задачей стилистическую характеристику слов. Эта работа еще ждет своего исследователя. Но, сгруппировав все случаи употребления того или иного слова, указав, где оно употреблено, Словарь даст будущему исследователю возможность изучить стилистическую окраску того или иного слова в языке Пушкина, выяснить жанрово-стилистические условия его употребления.

Из слов, употребляемых Пушкиным в традиционно-поэтическом плане, следует выделить следующие группы:

1. Имена мифологических богов и героев, имена классических писателей и художников, используемые поэтом как в собственном, так и в нарицательном, в переносном значениях. Многие из этих имен превратились в поэтические символы (*Венера* — «любовь», *Вакх* — «вино, веселье», *Аполлон* — «поэзия» и т. д.¹²).

2. Сравнительно небольшой круг слов из других языков, которые, не являясь специфическими для определенного литературного жанра, время от времени используются писателем для придания «местного колорита». Таковы слова: *абаз, ага, аманат, адеж, аул, Авраил, вербана, бельмес, белшлык, бошняк* и др.

3. Церковнославянизмы, которые по своему значению и употреблению в языке Пушкина делятся на группы:

а) Слова, специфические для круга явлений, связанных с религией и церковью. Это слова-термины, типичные для узкой области употребления и не имеющие синонимов в литературном языке: *кадило, канон, акафист, богородица, вечерня* и др. Пушкин употребляет эти слова в художественно-поэтических целях, пользуясь приемом метафорического переноса; он вводит их в ткань поэтического языка для выражения атеистических идей или в целях расширения изобразительных возможностей литературной речи. Ср. употребление слова *богородица* в следующем контексте: Есть бог другой земного круга — Ему послушна красота, Он бог Парни, Тибулла, Мура, Им мучусь, им утешен я. Он весь в тебя — ты мать Амура, Ты *богородица* моя (*С₃ Ты бог-гоматерь*).

Слово *кадило* также расширяет круг своего употребления и приобретает переносное метафорическое значение: На лире скромной, благородной Земных богов я не хвалил И силе в гордости свободной *Кадилом* лести не кадил (*С₂ К Н. Я. Плюсковой*). Мне жаль великия жены, Жены, которая любила [Все роды славы:] дым войны И дым *Парнасского кадила* (*С₂ Мне жаль великия жены*).

б) Церковнославянские по своему происхождению слова поэтической речи, входящие в литературном языке в определенные синонимические ряды. Одни из них выступают как смысловые и стилистические синонимы (*возгласить* — то же, что *сказать*, но *сказать громко и торжественно; вещать* — *говорить, но торжественно, в припод-*

¹² В «Евгении Онегине», например, мы встречаем использование слова *Атомедон* (имя искусного возницы Ахилла в «Илиаде») в нарицательном употреблении, которое окрашивает пушкинские строки легкой иронией: За то зимы порой холодной Езда приятна и легка. Как стих без мысли в песне модной Дорога зимняя гладка. *Атомедоны* наши бойки, Неутомимы наши тройки... (VII 35.5). Словарь укажет, что слово *Атомедон* Пушкиным используется всего один раз в нарицательном употреблении.

нятом тоне и т. д.); другие — как синонимы только стилистические (*очи — глаза, лоно — грудь, уста — губы, чело — лоб, ланиты — щеки, ведашь — знать, ветр — ветер, ветвь — ветка, вельми — весьма, очень; велегласно — громко, чуждый — чужимой*). Сопоставление этих синонимов позволяет изучить пути обогащения словаря новыми словами со строго определенным кругом значений. В этом отношении интересно проследить употребление синонимов *чужой* и *чуждый* в языке Пушкина и в современном литературном языке. В языке Пушкина эти слова были синонимичны во всех своих значениях: 1) *чужая земля, язык и чуждая земля, язык* в значении «принадлежащий другим, не собственный»; 2) *чужие люди и чуждые люди* в значении «не родной, посторонний»; 3) *я всем чужой и он скоро свету стал чужд, и чужд мне будет мир земной* в значении «далекий по духу; такой, с которым нет внутренней близости»; 4) *страх и горе Дюныне чужды были мне* в значении «несвойственный, не присущий кому-нибудь». Возможность для современного языка использовать эти параллельные синонимические ряды значительно сузилась к нашему времени; по крайней мере, для первых двух значений слова *чужой* она исключена. Что касается значений 3-го и 4-го, то синонимика в употреблении этих значений отмечена в Словаре под ред. Ушакова, но уже пушкинский материал свидетельствует о закреплении этих значений за словом *чуждый*. Так Словарь языка Пушкина позволяет сопоставить современное употребление слова с употреблением начала XIX в. и проследить историю расхождения синонимов.

Сопоставление различных синонимов и наблюдение над их употреблением в произведениях Пушкина позволяет иногда с большей или меньшей достоверностью сделать вывод об отношении самого поэта к этим словам. Работа Пушкина как преобразователя русского литературного языка включала в себя отбор языковых средств различных стилистических пластов, сталкивание их в нейтральном контексте.

В качестве образца подобных стилистически разграниченных синонимов можно привести следующие ряды слов: *почто — зачем — почему — отчего; надесть — наскучить — надокучить; совладеть — сладить — справиться; отменно — весьма — очень*. Если слова сугубо книжные и поэтические довольно легко получают в этом ряду синонимов свою стилистическую характеристику (поскольку с ними связана длительная традиция их соответствующего стилистического использования), то для слов, определяемых Словарем Академии Российской как просторечные или простонародные, жанрово-стилистические перемещения и стилистические функции в языке Пушкина не определяются с полной ясностью. Если же вспомнить, что Словарь Академии Российской отставал в своих стилистических оценках или вообще не давал их, то станут ясными те трудности, которые стоят перед исследователями лексики Пушкина в области ее стилистической интерпретации.

Словарь языка Пушкина, отражая все случаи употребления слова, может определить условия использования того или другого синонима и причины, определившие его выбор; сопоставление одних и тех же синонимов в языке Пушкина и в современном языке, с учетом высказываний современников Пушкина и данных словарей, даст возможность с большей или меньшей достоверностью определить оценку стилистической роли слова со стороны Пушкина. Так, сопоставление случаев употребления у Пушкина слов *заместо* и *место* позволяет сделать вывод об их стилистической окраске: *заместо* употребляется Пушкиным один раз: *Брадатый староста Авдей С поклонном барыне своей Заместо красного яичка Принес ученого скворца (С₃ Брадатый староста); место — 122 раза*. Текст, в котором употреблено слово *заместо*, а также единичность примера указывают на «простонародный» или просторечный его характер. Словарь Академии Российской вообще не дает слова *заместо*; Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. дает это слово с пометой «нар. стар.», а Словарь под ред. Ушакова указывает на его областной и просторечный характер.

Сравнительный анализ употребления у Пушкина синонимического ряда *заворный — постыдный — поворный* дает следующие выводы: слово *заворный*¹³ встретилось у Пушкина всего два раза, в специфических текстах («Жених» и «Песни западных славян»), где имеет место стилизация. В «Женихе» слово *заворный* встречается в речи свахи: — У вас товар, у нас купец; Собою парень молодец, И статный, и проворный, Не вздорный, не *заворный* (С₃ Жених). Весь этот отрывок является образцом стилизации под «простонародную» речь. Запятая, представляющий собою типичную формулу сватовства, слова *парень, молодец*, параллельные синтаксические конструкции, повторы, наконец, слово *вздорный* в специфическом значении «склонный к ссорам, вздорам» — все эти языковые черты позволяют сделать вывод о том, что Пушкин хорошо осознавал простонародную окраску слова *заворный* и употребил его с определенной стилистической задачей.

В «Песнях западных славян» («Воевода Милош») употребление слова *заворный* обусловлено стилизованным характером всего языка песни: Над Сербией смилуйся,

¹³ В Словаре Академии Российской: *заворный* — «достойный порицания» (без пометы); дано также сочетание *заворные дети* (внебрачные), свидетельствующее об употреблении его в разговорной речи.

боже! Заедают нас волки янычары!... Красных девок заставляют в насмешку Распевать *загорные* песни И плясать басурманские пляски.

Употребление слова у Пушкина, предпочтение им того или иного синонима позволяет вносить коррективы в устаревшие и несовершенные стилистические характеристики, представленные в Словаре Академии Российской. Синоним слова *загорный* — *посыдный* встречается у Пушкина 9 раз, в различных жанрах (стихи, «Граф Нулин», «Борис Годунов», «История Пугачева», журнальные статьи). Со стороны стилистической слово *посыдный* является более нейтральным. Ср.: Талант неволен, и его подражание не есть *посыдное* похищение — признак умственной скудости (*Ж*₂ 82.9).

Третий синоним — слово *позорный* употребляется чаще остальных (14 раз), также во всех жанрах и является стилистически нейтральным. Ср.: Но не таков Арзрум нагорный, Многодорожный наш Арзрум: Не спим мы в роскоши *позорной*... (*С*₃ *Стамбул гяуры нынче славят*).

В современном литературном языке слово *позорный* стилистически нейтрально: его большая употребительность определяется наличием у него 2-го значения, отсутствующего у Пушкина («крайне неудачный, плохой, вызывающий насмешку, пренебрежение»). В Словаре под ред. Ушакова слово *посыдный* дается с пометой «книжн.», *загорный* с пометой «просторечн.». Можно отметить, что современное стилистическое разграничение этих трех слов в основном намечилось уже в языке Пушкина.

Ключевое преобладание того или другого синонима является фактором, который следует учитывать при стилистической характеристике слова. Примером может служить употребление слов *брюхатая* (19 раз) и *беременная* (1 раз.). Вероятно, слово *брюхатая* в разговорной речи того времени было более обычным, чем в современном языке; слово *беременная* противопоставлялось ему как книжное. Книжный характер этого слова особенно хорошо подчеркивается употреблением его в «Истории села Горюхино», пародирующей по языку и стилю научно-историческую литературу того времени: «NB. Сие болото и называется Бесовским. Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней не далеко от сего уединенного места. Она сделалась *беременной* и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глаз народный обвинял болотного беса — но сия сказка недостойна внимания историка...» (*ИГ* 134.36). Во всех остальных случаях — в художественных произведениях, в письмах — Пушкин употребляет только слово *брюхатая*. Попав в стилизованный под фольклор текст, это слово не нарушает общего звучания текста и вполне соответствует стилистической помете «простонародн.», приданной ему в Словаре Академии Российской, ср.: Мать *брюхатая* сидела, Да на снег лишь и глядела (*МЦ* 89); Стала пухнуть прекрасная Елена, Стали баять: Елена *брюхата* (*ЭС* 4.38). Во всех остальных случаях, если исключить письма, слово вводится в текст, стилизованный под повествовательно-разговорный жанр эпохи, предшествующей пушкинскому времени¹⁴. В письмах, в личном употреблении поэта слово *брюхатая* нейтрально: на нем нет того отпечатка грубости, просторечности, который свойственен ему сейчас¹⁵.

Сравнительный анализ отдельных синонимических рядов позволяет наблюдать не только расширение или сужение синонимического ряда, но и стилистические перегруппировки в его пределах. Это положение можно проиллюстрировать историей синонимического ряда *отменно* — *весьма* — *очень* — *в высшей степени*, который в активном языковом запасе современного литературного языка превратился в синонимический ряд *очень* — *в высшей степени* — *исключительно*. Количественные соотношения в употреблении этих синонимов у Пушкина следующие: *отменно* — 19 раз, *весьма* — 131, *очень* — постоянно, *в высшей степени* — 1 раз. При таких соотношениях едва ли можно говорить о нейтральном характере слова *отменно*. Ср.: Ночь над мирною Коломной Тиха *отменно* (*ДК* XIX); Дубровский был *отменно* сердит (*Д* 186. 13) и др. Это слово уже у Пушкина начинает приобретать тот оттенок книжности, а позднее архаичности, который позволяет не вводить его в словарь современного русского литературного языка (его нет, например, в Словаре под ред. Ушакова). Синонимическое выражение *в высшей степени* представляет собой явление несколько особого порядка. Единственный случай употребления его у Пушкина и наблюдения за употреблением слова *степень* позволяют предположить, что это сочетание оформлялось только в пушкинское время. Единственный случай употребления этого сочетания у Пушкина: Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо *в высшей степени* была одарена скромностию и осторожностию (*КД* 369.31) — не может свидетельствовать об уже определенном значении и употреблении этого сочетания.

¹⁴ Он Вислою отправился в Торн, где императрица, в то время *брюхатая* на седьмом месяце, располагалась родить (*ЗМ* 338.3); Матушка была еще мною *брюхата*, как я уже был записан в Семеновский полк (*КД* 279. 15) и др. под.

¹⁵ Слово *беременная* в современном языке утратило книжный характер и стало нейтральным, чему способствовала некоторая его терминологичность и отсутствие живых связей с однокоренными словами, которые живо чувствуются в слове *брюхатая*.

Что касается широкоупотребительных *весьма* и *очень*, то первое было более ограничено по степени употребительности; применение его в сугубо книжных, иногда канцелярски-деловых текстах не дает оснований считать это слово нейтральным. Ср. в шутовском употреблении: И дабы впредь не смел чудесить, Поймавши истинно повесить И живота *весьма* лишить (С₂ 291.18); также в стилизации книжной речи: Государь мой, ты провинился во-первых, подошел к сей молодой персоне...; сего ради имеешь ты быть *весьма* наказан, имянно должен выпить кубок большого орла (АП 17.28). В то же время слово *весьма* может употребляться и в сравнительно нейтральных текстах, например: У меня была в руках, и *весьма* недавно, довольно круглая сумма... (Пс 897.16); Жена тебе *весьма* кланяется (Пс. 671.32) и др.

Дальнейшая история этого синонимического ряда сводится к выпадению слова *отменно* (вследствие его архаизации), к резкому снижению употребительности и к усилению стилистических особенностей архаизирующегося слова *весьма*. В то же время в данном синонимическом ряду произошло закрепление синонима *в высшей степени* и появился синоним *исключительно*, которого не было в языке Пушкина¹⁶.

Затронутыми вопросами далеко не исчерпывается круг проблем, разрешению которых помогут материалы Словаря языка Пушкина. Выделяя пословицы, поговорки, фразеологические сочетания, перифрастические выражения, отмечая переносные случаи употребления, Словарь предоставляет исследователю богатейший материал, характеризующий Пушкина как художника. Материалы Словаря языка Пушкина будут иметь значение не только для изучения языка самого Пушкина как писателя и как носителя литературного языка своего времени, но они будут служить и отправным, опорным пунктом при изучении языка писателей начала XIX в. и последующего времени.

Словарь языка Пушкина явится одной из необходимых предпосылок подлинно-научного изучения литературного языка XIX—XX в. Наконец, являясь первым опытом словаря языка писателя, Словарь языка Пушкина, после критического его анализа, сможет послужить образцом для составления словарей языка других писателей.

А. Д. Григорьева

¹⁶ У Пушкина слово *исключительно* имело значение, близкое к этимологическому: «полностью, всецело, исключая что-нибудь другое», например: нетерпение доехать до Тифлиса *исключительно* овладело мной (ПА 452.28);... Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих *исключительно* какому-нибудь народу (Ж₁ 40.31).